

рованная, хорошо усвоила только одно свое право – слепо исполнять то, что спускалось сверху, и крепить железное единство своих рядов.

Относительно кооперации, занимавшей ведущее место в построениях Бухарина. Полностью подчинив себе кооперацию путем ее централизации, занятия всех руководящих постов в центре и на местах, власти превратили ее в огромный, не очень умелый, но очень послушный аппарат проведения своей политики в деревне. Кооперация держалась за счет финансовой поддержки со стороны государства. Утверждение о высоких возможностях кооперирования крестьянских хозяйств не подтверждается. Не кооперацию приспособляли к нэпу или нэп к кооперации, а то и другое – к плановому началу. К концу 1920-х гг. кооперация оказалась неспособной к выполнению преобразующих функций, да и своих собственных обязанностей; она разрушалась.

¹ Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М., 1988. С. 250.

² Данилов В.П. Бухаринская альтернатива // Бухарин: человек, политик, ученый. М., 1990. С. 96.

³ Щагин Э.М. Альтернатива «революции сверху» в советской деревне конца 20-х годов: суждения и реальность // Власть и общество России. XX век. М.; Тамбов, 1999. С. 282.

⁴ См.: Павлова И.В. Загадки внутрипартийной борьбы (1923–1929 гг.) // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск, 1992. С. 102.

В.И. Шишкин
Институт истории СО РАН, Новосибирск
ПОЕЗДКА И.В. СТАЛИНА В СИБИРЬ
(15 января – 6 февраля 1928 г.)

Со времен «перестройки» вопрос о поездке И.В. Сталина в Сибирь неоднократно освещался в публицистике и в исследовательской литературе. Благодаря этому к настоящему времени достаточно полно выяснена фактическая сторона данного события, сформулированы и освещены важнейшие вопросы темы, в том числе почему и зачем (с какой целью) И.В. Сталин совершил сибирский вояж, почему именно в Сибирь, а также каких результатов в итоге этой поездки он добился.

По вопросу о причинах сталинской командировки в Сибирь в литературе можно встретить разные точки зрения. В ряде публикаций высказаны наивно-простодушные объяснения этой поездки, воспроизводящие официальную версию, в соответствии с которой И.В. Сталин был

вынужден поехать в Сибирь вместо внезапно заболевшего С. Орджоникидзе¹. Такая версия свидетельствует о том, что ее авторы совершенно не понимают ни личности И.В. Сталина, ни роли, которую в то время он уже играл в Коммунистической партии и в Советском Союзе.

Ближе к истине те историки, которые причины визита Генерального секретаря ЦК ВКП(б) видят в экономическом положении СССР, а кризис хлебозаготовок называют тем фактором, который побудил И.В. Сталина отправиться в Сибирь. Однако признать такое объяснение достаточным нельзя. В таком случае И.В. Сталин должен был бы надолго поменять свою кремлевскую прописку на провинциальную, поскольку продовольственный вопрос являлся «ахиллесовой пятой» Советской власти в течение всех семи десятилетий ее существования.

В то же время представляется верным предположение И.П. Иконниковой и А.П. Угроватова о том, что во время поездки в Сибирь И.В. Сталин, по всей видимости, «хотел не только организовать давление с целью добиться от крестьян сдачи хлеба, но и посмотреть, как отреагирует на чрезвычайные меры в большинстве своем крестьянская по составу сибирская партийная организация, каков будет отклик в деревне в целом»².

Представляется, однако, что в действительности круг проблем, которые решал И.В. Сталин в ходе сибирской командировки, был значительно шире, а ее секретный характер наводит на мысль о том, что главные из них лежали не на поверхности и преимущественно в политической плоскости. И искать их нужно в области внутривластной борьбы того времени.

Напомним, что на состоявшемся 2–19 декабря 1927 г. XV съезде ВКП(б) И.В. Сталину и его сторонникам удалось завершить, если воспользоваться сталинскими же формулировками, идейный и организационный разгром троцкизма. Одним из ключевых вопросов, по которому шла дискуссия накануне съезда, была политика партии по отношению к деревне, к крестьянству. Л.Д. Троцкий и ряд его сторонников критиковали партийный курс с «левых» позиций, в том числе ставили вопросы о перераспределении государственного бюджета в пользу промышленности за счет деревни, о форсированном наступлении на кулачество, о возможности «принудительного займа» у крестьянства для ускоренного развития промышленности.

Эти предложения оппозиции встретили решительный отпор со стороны сталинского руководства ВКП(б). В частности, В.М. Молотов, выступая на XV съезде с докладом по вопросу о работе в деревне, говорил: «Предложение о “займе” – прямой срыв всей политики партии, всей политики нэпа. Поэтому тот, кто теперь предлагает нам эту поли-

тику принудительного займа, принудительного изъятия 150–200 млн пудов хлеба хотя бы у десяти процентов крестьянских хозяйств, т.е. не только у кулацкого, но и у части середняцкого слоя деревни, то, каким бы добрым желанием ни было это предложение проникнуто, – тот враг рабочих и крестьян, враг союза рабочих и крестьян, тот ведет линию на разрушение Советского государства». Причем это заявление В.М. Молотова удостоилось сталинской реплики «Правильно!»³.

Решения XV съезда ВКП(б) по вопросам о политике партии в деревне и о крестьянстве также были выдержаны во взвешенных формулировках. Более того, в директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства прямо говорилось о неприемлемости метода резкого усиления налогового обложения деревни, «поскольку он касается не кулака, а всей массы крестьянства»⁴. Однако уже во второй половине декабря 1927 – первой половине января 1928 г. ЦК ВКП(б) дал на места жесткие директивы по активизации государственных хлебозаготовок, мотивируя свои требования тем, что кулаки и спекулянты задерживают продажу хлеба государству в расчете на повышение цен на него. ЦК потребовал от партийных организаций применить в отношении кулаков и спекулянтов репрессии, не указывая, однако, конкретно, какие органы, какие меры и на основании каких законов должны осуществлять.

Ясность во все эти вопросы внес прибывший в Новосибирск И.В. Сталин, выступив 18 января 1928 г. на заседании Сибкрайкома ВКП(б). В устной форме он рекомендовал применять 107 статью Уголовного кодекса РСФСР к кулакам главным образом за «невывпуск» хлеба на рынок. Формально по собственной инициативе, но с санкции И.В. Сталина для принуждения населения к сдаче хлеба Сибкрайком ВКП(б) решил использовать весь аппарат так называемых правоохранительных органов (ОГПУ, прокуратуру, народный суд, милицию), максимально упростить судопроизводство и ужесточить наказания за задержку в сдаче хлеба. Тем самым ровно месяц спустя после завершения работы XV съезда ВКП(б) И.В. Сталин по сути дела единолично потребовал резкой коррекции курса партии в деревне, фактически взяв на вооружение предложения троцкистов, ранее неоднократно публично отвергнутые руководством ВКП(б).

Поведение И.В. Сталина являлось грубейшим нарушением партийных норм и традиций. Тем не менее, краевой, окружной и районный аппараты сибирской краевой партийной организации почти безоговорочно стали проводить сталинские установки в жизнь, продемонстрировав верность не решениям высшего органа партии – ее съезда, а указаниям Генерального секретаря ЦК. На рядовых коммунистов, советских и кооперативных работников, проявивших пассивность или уклонявшихся от выполнения сталинских директив, и особенно, конечно, на

крестьянство обрушился вал репрессий. Произведенный административный нажим основная масса сибирской деревни восприняла как отказ от нэпа и возврат к политике «военного коммунизма».

Троцкисты, большая часть которых к тому времени уже была отправлена в политическую ссылку, также не оставили без внимания сибирский кульбит И.В. Сталина, информация о котором частично просочилась в центральную печать. В оценке того, что осуществляли в начале 1928 г. Генеральный секретарь и его окружение в крестьянском вопросе, троцкисты разошлись. Одни сторонники Л.Д. Троцкого склонялись к тому, что И.В. Сталин берет «последовательный левый курс», обусловленный обострением классовой борьбы в деревне, тогда как другие называли сталинские меры всего лишь «очередным маневром, очередным зигзагом», «левым зигзагом»⁵.

Сам Л.Д. Троцкий квалифицировал поведение И.В. Сталина как эпитонство, как политику «эпитонского самодурства», как «политический эмпиризм», как «непоследовательный, противоречивый, но все же несомненный шаг в нашу сторону, т.е. на правильный путь»⁶. Несмотря на существенные разногласия в оценке сталинской политики, почти все троцкисты были согласны поддержать ее.

Результаты поездки И.В. Сталина исследователи оценивают по-разному, но видят их исключительно в изменении политики ВКП(б) в крестьянском вопросе и сводят главным образом к выработке и апробации системы чрезвычайных мер, которые в дальнейшем были использованы в ходе массовой коллективизации⁷. В то же время И.П. Иконникова и А.П. Угроватов верно подметили, что поездка Сталина в Сибирь «продемонстрировала многие черты его будущей деятельности: жесткое администрирование и манипулирование кадрами, расхождение между словом и делом, умелое конспирирование своих намерений»⁸.

На наш взгляд, главный результат командировки И.В. Сталина в Сибирь заключался все же совсем в другом. По итогам этой поездки И.В. Сталин мог сделать вывод о своем реальном политическом весе в ВКП(б). Сибирский вояж убедительно показал И.В. Сталину, что он является уже не только формальным лидером партии, которому активнее и дольше, чем кому-либо другому, аплодируют на съезде партии, но и обладает достаточной силой для того, чтобы по сути дела единолично принимать и проводить в жизнь любые решения. А такая самооценка открывала совершенно новые перспективы и возможности как лично перед И.В. Сталиным, так и перед СССР в целом. В принципе теперь Генеральный секретарь мог спокойно начинать новый раунд внутривнутрипартийной борьбы, не скрываясь, посылать нэп «к черту», загонять большинство крестьян в колхозы, а недовольных и неугодных – расселять, ссылать и расстреливать.

Но И.В. Сталин взял небольшой временной интервал для того, чтобы завершить борьбу с повергнутым Л.Д. Троцким и дополнительно укрепить свои позиции. Видимо, большинство сторонников Л.Д. Троцкого, посчитавших «антикулацкую кампанию» И.В. Сталина не «исключительно сибирским экзотическим делом»⁹, было уверено, что рано или поздно они понадобятся руководству ВКП(б) для проведения «левого» курса, и надеялось, что вскоре ЦК партии их амнистирует и даже призовет к работе. Вот что писал один из таких идеалистов: «Борьба с кулаком – не маневр, а результат обострения классовых противоречий, будет иметь последствия, и, несмотря на все помои, которыми нас поливают, мы должны [его] приветствовать [...]. Было бы большой слепотой не видеть всего этого из[-за] злобы нас к Сталину и что нас трахнули. Сдвиг этот есть результат и нашей борьбы и обострения классовых противоречий. Его надо поддержать. Нет в политике ничего более опасного, как озлобление. Наши разногласия с партией уменьшаются [...]. Я не имею никаких иллюзий насчет того, что начинающийся сдвиг приведет механически к нашему возврату в партию»¹⁰. В таких настроениях и прогнозах была своя логика: ведь именно троцкисты лучше, чем кто-либо другой, могли проводить в жизнь курс Л.Д. Троцкого.

Наиболее неустойчивые соратники Л.Д. Троцкого не стали ждать милостей от ЦК, а воспользовались сибирским «сигналом» И.В. Сталина для того, чтобы самим подать покаянные письма с просьбой разрешить им вернуться в ряды ВКП(б). В числе наиболее быстро сориентировавшихся оказались такие крупные политические фигуры, как И.В. Вардин (Мгеладзе), Г.Л. Пятаков, С.А. Саркис, Г.И. Сафаров. Примиренческими настроениями и поведением части своих сторонников лидер сталинской оппозиции Л.Д. Троцкий был серьезно ослаблен.

В то же время в лице перебежчиков из стана Л.Д. Троцкого И.В. Сталин получил хорошее подкрепление для нового раунда внутрипартийной борьбы. Возвращенные в партию бывшие «левые» могли стать лучшими бойцами в борьбе с теми, кого И.В. Сталин намечал зачислить в ряды «правых».

Тем самым можно считать, что поездка И.В. Сталина в Сибирь прошла успешно. С одной стороны, Генеральный секретарь продемонстрировал всей партии, как должно вести хлебозаготовки в «кулацкой» Сибири и добиваться необходимых результатов. С другой – секретные цели его вояжа в Сибирь, являвшиеся главными, были достигнуты, но они остались тайной как для политических соратников, так и бывших противников. Более того, троцкисты были введены в заблуждение, за что впоследствии в очередной раз поплатились.

¹ Известия ЦК КПСС. М., 1991. № 5. С. 193; Павлова И.В. Поездка Сталина в Сибирь. Почему в Сибирь? // ЭКО. 1995. № 2. С. 139; Косачев В.Г. Накануне коллективизации. Поездка И.В. Сталина в Сибирь // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 102.

² Иконникова И.П., Угроватов А.П. Сталинская репетиция наступления на крестьянство // Вопросы истории КПСС. 1991. № 1. С. 72.

³ Пятнадцатый съезд ВКП(б) (декабрь 1927 года): Стеногр. отчет. М., 1962. Т. II. С. 1222.

⁴ Там же. С. 1444.

⁵ См., например: Хогтонская библиотека Гарвардского университета, bMS Russ 13. T-1273, T-1281, T-1303, T-1326, T-1452, T-1462 и многие др.

⁶ Лев Троцкий. Письма из ссылки (1928). М., 1995. С. 14–17, 44–47.

⁷ Павлова И.В. Поездка Сталина в Сибирь. С. 137, 153–155; Косачев В.Г. Накануне коллективизации. С. 105.

⁸ Иконникова И.П., Угроватов А.П. Сталинская репетиция наступления на крестьянство. С. 81.

⁹ Хогтонская библиотека Гарвардского университета, bMS Russ. T-1144 (выражение Л.С. Сосновского).

¹⁰ Там же.

Л.В. Алексеева

Нижевартовский государственный гуманитарный университет
АГРАРНОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ 1930-х гг.
В СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Проблемы аграрного развития региона неоднократно находились в центре дискуссий историков, экономистов, политиков. Экономическая наука и практика хозяйственного освоения Севера Западной Сибири показали, что в условиях рыночной экономики присутствует спрос на натуральные сельскохозяйственные продукты, и есть люди, желающие их предоставить, организующие производство молока, мяса, яиц и овощей. Полагаем, что в советском опыте аграрного освоения территории можно выделить три этапа:

1. крестьянская ссылка и создание основ сельскохозяйственной отрасли (особенно земледелия) в регионе (1930–1945 гг.);

2. послевоенный этап, охватывавший 1945–1969 гг., характеризовавшийся хозяйственным укреплением колхозов и совхозов;

3. 1970–1980-е гг. – сельскохозяйственное производство в период развития нефтегазового комплекса.